 © Авторы статьи / Authors of the article

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА/THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

DOI: https://doi.org/10.60797/RULB.2026.80.1 EDN: ACNXRP

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ И США

Научная статья

Сапронова А.В.[1, *]
[1] ORCID : 0000-0002-8889-367X;
[1] Московский государственный институт международных отношений (университет), Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (sapronova5[at]mail.ru)

Предложена: 22.03.2026; Принята: 23.07.2026; Опубликована: 10.08.2026

Аннотация

В данной статье исследуется лингвистическая, стилистическая и филологическая эволюция публичных выступлений в обеих странах, а также акцентируется внимание на диахронических измерениях риторического стиля внутри каждой традиции. Анализ охватывает все уровни языка — от морфологии и синтаксиса до лексики, риторической структуры, дискурсивных стратегий, ритма, интонации и тембра — чтобы понять, как лидеры адаптировали свои ораторские приёмы. Также рассматривается роль культурно-лингвистических принципов — образовательных традиций, медиатехнологий, ожиданий аудитории — в этих изменениях. Методологически исследование опирается на функциональную стилистику и прагматику: политические речи рассматриваются как целевые коммуникативные акты, формируемые контекстом и аудиторией.

Реконструируя лингвистическую траекторию британской и американской риторики, мы стремимся прояснить, как эволюционировал стиль каждой традиции и какими культурными или прагматическими факторами обусловлены эти изменения, что позволяет оценить, сближаются ли современные ораторские стили двух стран под влиянием глобализации или сохраняют уникальные «идиолекты на публике».

Ключевые слова: тембр, фоностилистика, прагмастилистика, конвергенция, дивергенция.

THE LINGUISTIC EVOLUTION OF PUBLIC SPEAKING IN THE UK AND THE US

Research article

Sapronova A.V.[1, *]
[1] ORCID : 0000-0002-8889-367X;
[1] Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow, Russian Federation

* Corresponding author (sapronova5[at]mail.ru)

Suggested: 22.03.2026; Accepted: 23.07.2026; Published: 10.08.2026

Abstract

The article examines the linguistic, stylistic and philological evolution of public speaking in both countries and focuses on the diachronic dimensions of rhetorical style within each tradition. The analysis covers all levels of language — from morphology and syntax to vocabulary, rhetorical structure, discursive strategies, rhythm, intonation and timbre — in order to understand how leaders have adapted their oratorical techniques. The role of cultural and linguistic principles — educational traditions, media technologies and audience expectations — in these changes is also discussed. Methodologically, the study draws on functional stylistics and pragmatics: political speeches are viewed as goal-oriented communicative acts shaped by context and audience.

By reconstructing the linguistic trajectory of British and American rhetoric, we aim to clarify how the style of each tradition has evolved and what cultural or pragmatic factors have driven these changes, making it possible to evaluate whether the contemporary oratorical styles of the two countries are converging under the influence of globalisation or whether they retain their unique "public idiolects".

Keywords: timbre, phonostylistics, pragmastylistics, convergence, divergence.

Введение

Политическое красноречие в Великобритании и США претерпело значительную лингвистическую и стилистическую трансформацию за последнее столетие. Хотя эти традиции формировались в различных историко-культурных контекстах, британская и американская школы публичных выступлений всё чаще пересекаются и взаимно влияют друг на друга. В данной статье исследуется лингвистическая, стилистическая и филологическая эволюция публичных выступлений в обеих странах, а также акцентируется внимание на диахронических измерениях риторического стиля внутри каждой традиции. Анализ охватывает все уровни языка — от морфологии и синтаксиса до лексики, риторической структуры, дискурсивных стратегий, ритма, интонации и тембра — чтобы понять, как лидеры адаптировали свои ораторские приёмы.

Методом детального анализа речей выдающихся британских и американских политиков мы прослеживаем, как эволюционировали официально-деловая и гражданская риторика в каждой стране. Также рассматривается роль

 © Авторы статьи / Authors of the article

культурно-лингвистических принципов — образовательных традиций, медиатехнологий, ожиданий аудитории — в этих изменениях.

1.1. Теоретические основы исследования

Теоретической основой исследования послужили труды отечественных и зарубежных исследователей в областях стилистики и прагмастилистики (О.С. Ахманова, Р. Хики), теории коммуникативной адаптации (Г. Джайлз, Д. Коупленд), социофонетики и тембрологии (М.Э. Конурбаев), прагматического дискурса (Р. Водак, Дж. Чартерис-Блэк) и теории концептуальной метафоры (Дж. Лакофф и М. Джонсон).

Политический дискурс зачастую выделяется как отдельный жанр или функциональный стиль, но со своими условностями. Однако под стилистическими разногласиями в данном исследовании понимается столкновение различных национальных и культурных особенностей стиля в одном конкретном коммуникативном акте. В этой связи введение элементов прагматики трансформирует стилистику: нас интересуют не только стилистические приёмы, но и причины, по которым они используются, а также то, как они адаптируются к ожиданиям аудитории.

Дополнительной основой исследования является Теория коммуникативной адаптации, разработанная Говардом Джайлзом и его коллегами [9]. ТКА широко применяется в межличностной коммуникации и позволяет взглянуть на концепт публичной речи под другим углом. В контексте межкультурного взаимодействия собеседником оратора является сама аудитория принимающей стороны. Спикер может выбрать стратегию конвергенции, например, вставляя в речи расхожие выражения, варьируя произношение, делая отсылки к знакомым аудитории явлениям, но также может выбрать и стратегию дивергенции, придерживаясь собственного стиля, усиливая свою идентичность. ТКА также объясняет мотивацию и даёт оценку происходящему: говорящий может подстраиваться под аудиторию, исходя из личных мотивов, после чего аудитория оценивает его.

Концепт ***тембрологии***, разработанный М.Э. Конурбаевым и другими исследователями, имеет особую актуальность, а в его работе «Стиль и тембр английской речи и литературы» утверждается, что каждый текст, каждое высказывание имеют собственное звучание, обладающее собственным значением. В контексте публичных выступлений тембр включает в себя диапазон голоса, громкость и акцентуацию, эмоциональный окрас [4].

В то время как в средствах массовой коммуникации появляются отсылки к тону или стилю речи того или иного политика, в академической литературе лишь недавно начали измерять и анализировать эти аспекты. Растущее количество работ в области психологии политики и лингвистики указывает на тот факт, что вокализированные элементы голоса могут влиять на восприятие лидерских качеств, а также на то, как эмоциональный накал может сместить фокус этого восприятия.

Методы и принципы исследования

С точки зрения методологии, исследование совмещает качественное прочтение речей и корпусный анализ текстов. Использование корпусной прагматики означает опору не только на изолированные случаи, а систематически изучаемые паттерны, помогая выявить различия между индивидуальным стилем и культурным стилем.

Материал исследования: исследование фокусируется именно на речах британских и американских политиков, произнесенных перед иностранной публикой, поскольку, во-первых, между двумя странами существуют действительно уникальные исторические и культурные связи, зачастую называемые «особыми».

Подобные речи имеют огромное значение, а потому готовятся тщательно, что означает, что любое стилистическое решение столь же тщательно взвешивается. Выбор материала обусловлен также практическими соображениями. Корпус Hansard и архив American Rhetoric содержат транскрипты речей и аудио- и видеоматериалы, помогающие тщательно проанализировать тембр и просодию.

Основные результаты

3.1. Эволюция стиля публичной речи в Великобритании: от высокой формальности до модернизированного прагматизма

Речи Уинстона Черчилля 1940-х годов, произнесённые во время Второй мировой войны, являются вершиной британской классической традиции, адаптированной к требованиям средств массовой коммуникации. Черчилль по-новому использовал радио для обращения к гражданам в доступной, но возвышенной манере. Лингвистически его речи отличаются богатой лексикой, сочетающей простые, конкретные слова с возвышенными или архаичными терминами для усиления эффекта. Одновременно Черчилль использует возвышенные метафоры, называя войну «борьбой за выживание христианской цивилизации», что придаёт его посланию историческую значимость.

На уровне *синтаксиса и морфологии* предложения Черчилля сочетают сложные придаточные предложения с простыми. Например, в заключительной части речи «Их звёздный час» после ряда придаточных, описывающих мрачные перспективы, следует краткий вывод: «Это был их звёздный час». Подобный синтаксический контраст создаёт целый комплекс аргументов с последующей эмоциональной разрядкой.

Фоностилистически речь Черчилля отличалась ритмичностью и тембром. Он записывал тексты в форме, напоминающей псалмы, чтобы контролировать паузы и ударения. Ритмичные тройные повторы и анафоры усиливали запоминаемость и эмоциональный отклик. Его интонация начиналась с умеренной высоты, нарастала к ключевым фразам и затихала в конце, передавая решимость. Тембр, усиленный радио, воспринимался как глубокий и ободряющий [7].

Дискурсивные стратегии Черчилля сочетали классическую риторику с адаптацией к массовой демократической аудитории. Он использовал *инклюзивные местоимения* (*«мы», «нас»)*, создавая единство с аудиторией, и прямые обращения (*«Спросите, какова наша цель? Ответ — Победа!»)*, что делало абстрактные конфликты эмоционально близкими.

К 1970-м годам британское публичное выступление перестало быть исключительной прерогативой государственных деятелей, обученных классической риторике; голоса представителей рабочего класса и регионов

 © Авторы статьи / Authors of the article

начали завоевывать национальную платформу, привнося новые языковые особенности в британское ораторское искусство. Знаковым примером является *Ректорская речь Джимми Рида в Университете Глазго в апреле 1972 года*, озаглавленная *«Отчуждение»*.

Его речь стала одним из наиболее известных образцов современной шотландской риторики именно благодаря тому, что она порвала с шаблонами формального, отстраненного красноречия и обращалась *прямо и просто* к проблемам аудитории.

В отношении *лексики* Рид использует простой, общедоступный язык для объяснения социологического понятия. Он начинает речь с утверждения: *«Отчуждение — это точное и правильно употребленное слово для описания главной социальной проблемы Британии сегодня»*. Здесь Рид применяет хитрый прием: вводит абстрактный термин, но сразу же заверяет слушателей, что он «*точен и правильно употреблен»* — явный металингвистический ход для укрепления доверия. Раскрывая профессиональный жаргон через общечеловеческий опыт, Рид демонстрирует *прагмастилистическую адаптацию*: он стремится просвещать, не относясь к слушателям свысока. Лексика Рида в речи балансирует между научными терминами и *разговорными выражениями*. Самая известная фраза абсолютно разговорна и метафорична: *«Крысиные бега — для крыс. Мы не крысы. Мы — люди»*. В этой яркой метафоре Рид отвергает дегуманизирующую конкуренцию современного общества через образ, доступный каждому.

Морфологически язык Рида прямолинеен: короткие предложения, активные глаголы, императивы второго лица *(«Отвергайте коварное давление общества, притупляющее ваши критические способности...»).* Здесь отсутствуют характерные для формальных речей прошлых десятилетий сложные номинализации или придаточные предложения. Вместо этого Рид часто соединяет независимые грамматические основы или повторяет начало фраз (*«Это...», «Это...»),* чтобы подчеркнуть ключевые идеи — прием, создающий ясность и акцент.

Синтаксис и структура речи Рида ориентированы на *прямое обращение*. Он говорит от первого лица множественного числа и второго лица, напрямую апеллируя к опыту слушателей. Например: *«Позвольте мне сразу определить, что я подразумеваю под отчуждением... Многие, возможно, не осознавали этого рационально... Но они это чувствуют. Это формирует их отношение»*.

Рид часто задает имплицитные вопросы (*«Почему люди выпадают из общества? Почему рабочие саботируют предприятия? Ответ кроется в отчуждении...»)* и отвечает на них.

Фонологически и тембрально исполнение Рида выделялось *шотландским акцентом и интонацией*, которые он не скрывал. Это имело культурное значение: предыдущие поколения британских ораторов в престижных заведениях придерживались Received Pronunciation (RP) или «нейтрального» акцента. Рид же говорил с мягким гласгианским говором, опуская звук «g» в герундиях и временами используя шотландские идиомы. Его естественный акцент придавал речи аутентичность и теплоту, соответствуя эстетике выступления — *популистской*, обращающейся к слушателям как к равным. *Ритм* был разговорным; Рид рационально использовал паузы, особенно после риторических вопросов или ключевых утверждений, позволяя аудитории осмыслить услышанное.

Риторическая стратегия Рида опиралась на *этические и эмоциональные воззвания*. Он не обладал властью премьер-министра; его авторитет основывался на моральной страстности и логике. На протяжении речи он идентифицирует себя с обычными людьми и представляет борьбу за гуманистические ценности как коллективную ответственность. Он постоянно апеллирует к *социальной сплоченности* и *общей человечности*, превращая речь в проповедь о гражданской добродетели. Стилистически это проявляется в повторяющихся *призывах к действию или отвержению*: *«Отвергайте коварное давление общества... Так это начинается... Цена слишком высока»*. Использование императива *(«Отвергайте...»)* с последующим объяснением создает убедительную комбинацию. *Простой синтаксис* и *повторяющийся параллелизм* фраз придают речи ясность и динамику, доступные широкой аудитории.

Подводя итог, речь Джимми Рида 1972 года олицетворяет ***демократизацию британского риторического стиля***. Формальность языка снижена: преобладают короткие слова, меньше витиеватых конструкций, однако воздействие речи не ослабевает. Ее сила кроется в доступности языка, сочетающейся с интеллектуальной остротой и искренней убежденностью. Рид показал, что оратор *«из народа»* может решать социальные проблемы голосом, одновременно интеллектуально точным и популярным. Его успех свидетельствовал, что британская аудитория готова ценить *аутентичность и ясность выше классического красноречия*. Данная тенденция к простоте речи продолжилась и отразилась в выступлениях политических лидеров последующих десятилетий, включая Маргарет Тэтчер и Тони Блэра.

Когда *Маргарет Тэтчер* стала премьер-министром Великобритании в 1979 году, она внесла новый вклад в эволюцию британского ораторского искусства. Речи Тэтчер 1980-х демонстрируют *контролируемый, прагматичный стиль* с идеологической основой. Одним из заметных этапов эволюции Тэтчер как оратора стала *тренировка голоса и тембра*. В начале карьеры ее естественный голос был высоким и резким при стрессе. Данные качества голоса ассоциируются с предвзятым отношением в политической среде, привыкшей к низким мужским голосам. Для коррекции Тэтчер прошла обучение у театрального специалиста в 1970-х [7].

Помимо голоса, *лексический и риторический стиль* Тэтчер отличался *ясностью, повторами и яркими метафорами в рамках идеологической аргументаци*и. Она не использовала «цветастый» язык; вместо этого ее выбор слов был прост и энергичен. Важной чертой стало применение *метафор конфликта и военной лексики* для описания политики.

Морфология здесь проста, но совокупный эффект создает энергичный тон, резонирующий с культурными нарративами борьбы. Тэтчер также использовала *религиозные образы* для критики оппонентов. На Конференции консерваторов 1987 года, говоря о смене риторики Лейбористской партии, она прибегла к библейской аллегории: *«Не мне насмехаться над кающимся грешником. Проблема лейбористов в том, что они хотят плодов покаяния, не отрекаясь от первородного греха»*. Это прагматически эффективно: оппоненты изображаются аморальными, а собственная позиция — праведной.

 © Авторы статьи / Authors of the article

Синтаксис Тэтчер был четким и декларативным. В отличие от Черчилля, она редко использовала длинные периодические предложения. Строка *«Поворачивайтесь, если хотите. Леди не свернет»*, произнесенная в 1980 году, — классический пример. Два коротких предложения, второе инвертирует первое, — но несет двойной смысл. Она часто использовала *параллельные перечисления* для наращивания напряжения. Например, критикуя предыдущее правительство: *«Они ввели более высокие налоги, более высокую инфляцию, более высокую безработицу»* — повтор «более высокие» и трехчастный ритмичный список провоцировали реакцию аудитории.

Таким образом, стиль Тэтчер стал символом новой эпохи, где *контроль над формой и содержанием* усиливал идеологическое послание, а прагматическое использование лингвистических инструментов переопределило стандарты политической коммуникации.

Дискурсивная стратегия Тэтчер также характеризовалась *дидактической ясностью*. Она часто излагала аргументы по пунктам, почти как в лекции, но переплетала их с риторикой, эмоционально обозначающей ставки. Например, оправдывая меры экономической жесткой экономии, Тэтчер логично объясняла вред инфляции и необходимость строгих мер, а затем переходила к доступной метафоре или моральному утверждению *(«Инфляция — это невидимый грабитель семейного бюджета — мы не позволим ему грабить вас дальше»)*. Подобное сочетание *логоса и пафоса* стало прагмастилистической чертой ее речей.

Фоностилистически к 1980-м годам Тэтчер говорила с *размеренным ритмом*, лишенным лиричности Черчилля или проповеднической интонации некоторых американских современников. Ее интонация обычно была ровной или нисходящей в утверждениях, подчеркивая уверенность, с легким повышением тона при остротах или риторических вопросах. Ее *тон был твердым, авторитетным и формальным* — в ключевых речах она избегала разговорных выражений или просторечия.

В заключение, риторический стиль Маргарет Тэтчер в 1980-е представляет *стилистический синтез традиционного и современног***о**: она сохраняла формальную манеру и правильную грамматику, но ее лексика и синтаксис тяготели к простоте и прямоте. Ее речи стремились к *ясности и эффектности, а не изяществу*, что отличалось от литературных или многословных стилей прежних британских политиков. При этом активное использование метафор для оформления политических решений сохраняло *образную насыщенность* британского ораторского искусства. Тэтчер доказала, что можно сочетать интеллектуальную четкость и риторическую силу — модель, повлиявшая на последователей, включая оппозицию.

К 1990-м и началу 2000-х британская риторика эфолюционировала в сторону *разговорного, доступного стиля*, не теряя полностью приемов убеждения прошлого. *Тони Блэр*, премьер-министр с 1997 по 2007 гг., олицетворяет эту трансформацию.

Отличительной чертой стиля Блэра было *«переключение регистров»* — переход между формальным и неформальным языком в рамках одной речи. Например, в одном выступлении он мог использовать просторечное выражение вроде *«поставить страну на ноги»* и тут же апеллировать к высокому принципу — *«совесть нации»*.

Морфологически Блэр не избегал простых идиом или сокращений — на митинге он мог сказать *«we're gonna»*, показать, что Британия может», используя разговорное *«gonna»*, тогда как в парламенте предпочитал *«We are going to demonstrate...»*. Эта адаптивность отражала лингвокультурный тренд 1990-х: ценились аутентичность и близость к аудитории, но также *интеллектуальная легитимность.* В языке Блэр стремился совместить образ «простого человека» и государственного деятеля.

Другой заметной чертой стало частое использование Блэром *морально-ценностной лексики*, что исследователи называют его *«этическим дискурсом»*. Он насыщал речи терминами из семантических полей *морали и религии* — «справедливость», «долг», «честность», «толерантность», «зло», даже «душа».

Например, в речи 2003 г. в поддержку действий в Ираке Блэр заявил о необходимости противостоять *«злу»*, назвав это *«долгом»* Британии — язык, который переводил вопрос в этическую плоскость, а не политический расчет. Во внутренней политике он говорил о *«даре надежды» обездоленным, «правильных решениях»* в реформах и т.д. Такая лексика возвышала политические сообщения до нарратива добра и зла, затрагивая ценности аудитории. Эта стратегия ознаменовала некоторую *«американизацию»* британского политического языка.

Стилистически Блэр мастерски владел *слоганами и короткими, запоминающимися фразами.* Некоторые его выражения стали культовыми. Например, в начале карьеры он сформулировал приоритеты в виде триады: *«Образование, образование и образование»*. Употребление формы эмфатической лексической редукции демонстрировало его инстинкт к *риторической простоте и запоминаемости.* Структура подразумевала фокусировку на одной цели, а краткость делала фразу медийной. Аналогично, его тезис *«Жесткость к преступности, жесткость к причинам преступности»* — пример градации с анафорой, упаковавшей сложную позицию в эффектную антитезу.

Синтаксис Блэра в развернутых пассажах отличался умеренной сложностью: он избегал длинных придаточных предложений, но использовал многосоставные предложения при аргументации, связывая пункты союзами *«потому что», «чтобы», «если»*. Однако политик разбавлял их краткими фразами для усиления выводов. Например, в речи о реформе здравоохранения: *«Мы инвестируем в NHS, потому что верим в помощь по потребностям, а не достатку, потому что сильное общество заботится об уязвимых.* ***Никаких компромиссов в этом вопросе».*** Такое сочетание длинных и коротких предложений делало речь динамичной. В отличие от Тэтчер, Блэр часто использовал *местоимение «я»* для выражения личных убеждений (*«Я верю...», «Я чувствую это страстно»*), представляясь как личность, разделяющая свои взгляды, что соответствовало запросу 1990-х на аутентичность лидеров.

Среди *риторических приемов* Блэр часто применял *метафоры пути и перемен*, отражавшие тему «модернизации». В речи 2002 г. он описал эволюцию Лейбористской партии как долгий путь с этапами, а международные мирные процессы — как «дорожную карту». Такие метафоры помогали передать движение к цели, делая абстрактные задачи конкретными. Кроме того, Блэр использовал *персонификацию и овеществление* для визуализации политики. Например, он описывал эффективное правительство через метафоры *созидания* и терроризм как силу, которая

 © Авторы статьи / Authors of the article

«питается и растет». Это соответствовало стремлению Блэра избегать сухого языка бюрократии: вместо *«сократили безработицу»* он произносил ***«создали рекордное число рабочих мест»,*** делая акцент на самой активности. Подобные стилистические выборы усиливали *образность и динамизм* его речей.

Стиль публичных выступлений Тони Блэра характеризовался *плавной и отрепетированной подачей* с умеренно быстрым темпом. Его естественная склонность к быстрой речи в моменты эмоционального подъёма иногда приводила к проглатыванию окончаний слов или хаотичному изложению идей. Осознавая это, Блэр научился замедлять темп в ключевых моментах и эффективно использовать паузы.

Эпоха Блэра ознаменовала *целый ряд тенденций* в британской риторике: рост неформальности, использование моральных и эмоциональных призывов, чёткая структура и адаптация к телевизионной культуре и слоганам. Однако в основе сохранялись классические приёмы, переосмысленные в современном ключе. За примерно 60 лет британская публичная речь прошла путь от высокой формальности Черчилля до модернизированного прагматизма Блэра. Такие фигуры, как Джимми Рид, привносили аутентичность и простоту извне Вестминстера, а Маргарет Тэтчер оттачивала авторитетность и ясность внутри него. К 2000-м британские лидеры мастерски переключали регистры, отражая гибкий лингвистический репертуар. Таким образом, британская традиция впитала влияния, сохранив ироничность, моральный фрейминг и умеренность тона.

3.2. Эволюция стиля публичной речи в США: от популистской демагогии к ораторскому возрождению

В середине XX века в США доминировал *популистский демагогический стиль*, ярким примером которого стал губернатор Алабамы *Джордж К. Уоллес*. Его инаугурационная речь 1963 года иллюстрирует стиль, противоположный высокопарному красноречию: *прямой, разговорный, поляризующий и эмоционально заряженный*.

Лексика Уоллеса была намеренно простой и идиоматичной — использование сленга, региональных выражений и неграмматичных конструкций подчёркивало связь с аудиторией. Например, он использовал фразы вроде *«ain't gonna»* и двойные отрицания *(«don't let anybody tell you different — it* ***ain't nothing*** *but...»).* Ключевая фраза его инаугурации — *«segregation forever»* — грамматически неполна, но её сила заключалась в *ритмической аллитерации и категоричности. Просторечная стилистика и риторика "мы против них"* позиционировали его как защитника «простого белого южанина» против элит. Согласно У. Лабову, подобный выбор языковых средств может быть продиктован самой ситуацией общения, темой выступления и уровнем внимания слушателей, превращая лексику выступления в динамичный инструмент, который формирует структуру социальных отношений и эволюционирует под воздействием внешних и внутренних факторов [10].

Морфологически Уоллес использовал нестандартные формы: опускал конечные *«-g»*(*«workin'»*, *«fightin'»)*, применял разговорные сокращения *(«gonna», «ain't»)* и давал прозвища оппонентам, создавая *аутентичный образ* (Hogan, 2016).

С прагмастилистической точки зрения, его игнорирование грамматических норм было формой *языкового бунта*, отражавшего политическое сопротивление федеральной власти, но также сблизившего политика с аудиторией.

Синтаксически речи Уоллеса часто были *неоднородными*, с цепочками простых предложений, соединённых союзом «и». Например: *«У нас преступность на улицах, а они винят нас. Школы учат сексу вместо чтения — это называют прогрессом!»*

Подобный синтаксис создавал эффект *сиюминутности и возмущения*, заменяя логические аргументы эмоциональными утверждениями. Критики отмечали *«стилистические деформации и тематическую несвязность»* его речей, но именно хаотичность делала их похожими на *разговор или тираду*, что усиливало связь с аудиторией, не доверявшей «отполированной» риторике.

Лингвистически это выражалось в *эмоционально заряженных эпитетах* (афроамериканские активисты — *«буйные толпы»*, либералы — *«предатели наследия»).* Он активно использовал местоимения «они» и «мы» для разграничения сторон: «*Они* хотят управлять *вашими* школами» vs. *«Мы, алабамцы, не подчинимся»*. Его знаменитый *трёхчастный повтор «Сегрегация сегодня. Сегрегация завтра. Сегрегация навсегда*!» демонстрирует использование *анафоры и эпифоры* для усиления воздействия.

Таким образом, стиль Уоллеса иллюстрирует *лингвистические черты американской демагогии: просторечная лексика, неграмматичные конструкции, повторы-слоганы, короткий эмоциональный синтаксис* и *агрессивная подача*.

Конфронтационный подход политика, хотя и осуждаемый, оказал влияние на развитие политической коммуникации в США, подчеркнув важность *культурного резонанса* в языке. Уоллес говорил на языке своей аудитории, демонстрируя, как лингвистическая конвергенция с группой укрепляет доверие.

С течением времени основное направление американской политической риторики 1970-х и 1980-х годов формировалось как реакция на *высокий идеализм* 1960-х и популистские течения. Далее мы обращаемся к *Джимми Картеру*, чей стиль в качестве президента отличался скромностью и искренностью, почти противопоставлялся помпезности.

В плане лексики Картер предпочитал *простой, ясный вокабуляр*, избегая возвышенной риторики или ярких метафор, характерных для многих его предшественников. Например, в выступлениях об экономике он говорил о «рабочих местах, ценах и производительности» прямо, не прибегая к метафорам вроде «двигателей» или «кораблей государства». В более вдохновляющих моментах он апеллировал к широким ценностям, таким как *вера, единство, доверие, уверенность*, но всё равно в простых формулировках. Картер также был известен включением *библейских или религиозных ссылок***,** соответствующих его имиджу набожного баптиста, но делал это мягко.

Морфологически его речь соответствовала стандартному американскому английскому; у него был мягкий южный акцент, но в целом он использовал стандартную грамматику и избегал диалектов или сленга. Его язык порой мог казаться *технократичным* — он говорил о «киловатт-часах» и «производственных целях», стремясь к прозрачности в политике. Это создало ему репутацию «слишком честного» или занудного в эпоху телевидения, где ожидалось больше зрелищности.

 © Авторы статьи / Authors of the article

Самая известная речь Картера — *«Кризис доверия»*, произнесённая 15 июля 1979 года. Первоначально задуманная как речь об энергетической политике, она превратилась в проповедь о духовном кризисе. Лингвистически это было прямолинейное и личное обращение президента к публике. Картер представил проблему через призму морали: *«В стране, гордящейся трудолюбием, крепкими семьями, сплочёнными сообществами… слишком многие из нас теперь склонны поклоняться самолюбованию и потреблению»*. Такие слова, как «самолюбование», звучали обвинительно. Синтаксис отличался простотой: *«слишком многие из нас делают X»*.Картер намеренно использовал ***«мы»***, обрушиваясь с критикой и на себя, но многие всё равно были шокированы, услышав, что президент винит народ в проблемах. Повтор о *«кризисе доверия»* указывал на утрату веры в правительство и будущее.

Подводя итог, речь не произвела должного эффекта на аудиторию по целому ряду причин:

- использование обвинительного тона: Дж. Картер заявляет: «Слишком многие из нас склонны поклоняться самопотворству и потреблению». Прямое обвинение граждан в потере ценностей вызвало у нации отторжение на психологическом уровне, так как люди не ожидали от лидера морализаторства.

- использование лексики пассивности и стагнации: *drift* — дрейф, *paralysis* — паралич, *stagnation* — застой. Вместо того чтобы мобилизовать нацию, этот лексический выбор погружал аудиторию в атмосферу безысходности и депрессии.

- отсутствие сильных призывов к действию: речь изобиловала абстрактными призывами («восстановление американских ценностей», «духовное возрождение»), но содержала мало конкретных шагов, из-за чего американцы ощутили разрыв между тяжелой диагностикой проблемы и расплывчатым рецептом ее решения.

Переход от сдержанного стиля Картера к нарративному стилю Рейгана обозначил поворот в публичной речи, показав, как разные лингвистические подходы зависят от общественных настроений.

Рональд Рейган, президент США с 1981 по 1989 год, известен как *«Великий Коммуникатор»*. Его успех как оратора заключался не в сложности, а в *простоте, теплоте и умении рассказывать истории*. Речи Рейгана иллюстрируют американский стиль, сочетающий *разговорный тон, анекдотические примеры и оптимистичные образы*. Рейган мастерски чувствовал аудиторию. Его президентство укрепило тенденцию к *неформальному, нарративному дискурсу* в Белом доме.

Лексика Рейгана была простой и идиоматичной. Он использовал короткие, бытоописательные слова вместо терминов. Например, говоря об экономике, он описывал *«семьи, сидящие за кухонным столом и пытающиеся оплатить счета»* — создавая образы, близкие слушателям. Одна из его известных фраз — описание Америки как *«сияющего города на холме»*, библейский символ надежды и исключительности. Фраза *лексически проста*, но насыщена коннотациями света и морального лидерства. Другой пример — речь 1987 года в Берлине: *«Господин Горбачёв, разрушьте эту стену!»*. Сила фразы — в краткости, прямом обращении и сильном глаголе.

Синтаксически речи Рейгана состояли из коротких предложений, объединённых в нарратив. Он вводил тему через истории: *«На днях я встретил фермера в Айове. Он рассказал о трудностях. Он верил, что перемены помогут»*. Такой паратактический стиль создавал эффект *плавности повествования*. Даже в серьёзных речах о холодной войне Рейган сочетал политику с историями, избегал сложных конструкций, предпочитая линейное изложение, что согласуется с исследованиями в политологии, где *простая риторика* эффективнее связывается с аудиторией.

Дискурс президента акцентировал *оптимизм и единство*. Он всегда сохранял позитивный тон, даже описывая проблемы. Его речи изобиловали утверждениями вроде *«Лучшие дни Америки впереди»*. Критикуя правительство, он использовал юмор (например, шутка: *«Самые страшные слова: "Я из правительства и здесь, чтобы помочь"»*). Подобная гипербола в разговорном стиле смягчала критику.

Фонетически Рейган говорил дружелюбным баритоном с мягким среднезападным акцентом. Его *интонация* была разговорной — он часто завершал предложения плавным нисходящим тоном, передававшим уверенность и искренность. *Тембр* голоса Рейгана был отточен годами публичных выступлений и актерской работы; к моменту президентства его голос стал передавать юмор, скорбь или решимость по необходимости.

Таким образом, Рейган доказал, что *ясность изложения и эмоциональный отклик* могут достичь того, чего не способны достичь сложные аргументы: он «продавал» идеи, вовлекая публику во вдохновляющий нарратив. К концу его срока образец эффективной президентской коммуникации был найден: *говорить просто, рассказывать истории, апеллировать к общим ценностям и выступать с теплотой и уверенностью.*

Появление *Барака Обамы* на американской сцене в середине 2000-х — особенно его речь на съезде Демократической партии 2004 года и президентская кампания 2008 года — часто рассматривалось как возрождение ораторского мастерства в американской политике. Риторической особенностью Обамы является *синтез высокого идеализма с доступностью изложения*. Ему удавалось звучать эрудированно и вдохновляюще, оставаясь при этом близким и понятным.

С точки зрения лексики язык Обамы оперирует на двух уровнях. С одной стороны, он использует простые, конкретные фразы и инклюзивные местоимения для связи с аудиторией (например, *«Наши истории уникальны, но наша судьба общая»)*. С другой — он не боится использовать более возвышенную лексику или исторические отсылки для вдохновения и придания веса своим высказываниям. Например, в инаугурационной речи 2009 года он говорил о *«приливах процветания и тихих водах мира»*, используя образы с архаичным, поэтическим оттенком. Однако Обама сочетал их с прямыми высказываниями вроде *«исправления наших проблем»*. Такой подход позволял слушателям «цепляться» за понятные фразы, тогда как элементы высокого стиля добавляли глубину, не нарушая ясности. Обама также часто прибегал к *аллюзиям* к американской «священной истории» — основополагающим документам, отсылкам к Линкольну, Кингу — но объяснял или переосмысливал их свежим, простым языком.

Синтаксическая структура ключевых речей Обамы тщательно простроена; она отличается использованием *анафоры* — повторения начала предложений для эмфазы. Самый известный пример — его предвыборный слоган, ставший рефреном: *«Yes we can»*. В речи о победе 2008 года он вдохновил публику словами вроде: *«Это ответ,*

 © Авторы статьи / Authors of the article

данный очередями у школ… Да, мы можем. Это ответ, данный молодыми и старыми… Да, мы можем». Этот повторяющийся паттерн «вопрос-ответ» создавал ритмический импульс и вовлекал аудиторию в совместное проговаривание фраз. Другой прием — *антитеза* — противопоставление идей через параллельные конструкции. Например: *«Нет либеральной Америки и консервативной Америки; есть Соединенные Штаты Америки»*. Предложения Обамы могли быть длиннее и сложнее, чем у Рейгана, особенно при изложении аргументов или оформлении нюансов, однако он разбавлял такие части короткими, запоминающимися фразами, подводящими итог мысли (*«Это наше нынешнее положение. Но не таков должен быть наш финал»*).

Дискурсивная стратегия Обамы опирается на концепты *идентификации и надежды***.** С самого начала его любимым местоимением было «мы». В своей речи после победы он заявил: *«Это ваша победа»*, отражая сознательное стремление разделить успех и ответственность. Кроме того, у Обамы также проявлялась склонность к проповедничеству: он иногда признавал контраргументы или исторические недостатки, чтобы казаться взвешенным и вдумчивым. ***Диалектический подход*** был редок в предвыборной риторике, но Обама использовал его для построения этоса рассудительного лидера.

Еще одной чертой стиля Обамы стало влияние афроамериканской церковной ораторской традиции. Это влияние проявлялось в *ритмичности и эмоционально заряженных кульминациях*. Например, в конце речи к годовщине марша в Селму (2015) он перешел к пассажу с повторяющейся структурой (*«Мы чтим тех, кто шел, чтобы мы могли бежать. Мы должны бежать, чтобы наши дети парили»*), произнесенному с нарастающей интонацией и эмоциональной силой.

Фонологически интонация Обамы обычно спокойна и ровна, с тенденцией начинать предложения слегка приглушенно и повышать тон для акцента на ключевых словах, говорить размеренно, разговорным тоном, но затем перейти к проповедническому тону в кульминациях. *Тембр* его голоса ясен и устойчив, обладает отполированной нейтральностью. Однако он иногда *переключал регистр* в тональности: при обращении к разным аудиториям слегка адаптировал стиль. Например, в выступлениях перед афроамериканской аудиторией или в неформальной обстановке он мог использовать более разговорные элементы афроамериканского английского — естественный сдвиг, отражающий его собственный смешанный лингвистический бэкграунд. Но в официальных национальных обращениях его стиль оставался стандартным американским английским — артикулированным и сдержанным.

Ключевые выводы анализа

Сравнительный анализ подтвердил, что британский и американский риторические стили сблизились, заимствуя сильные стороны друг друга: некогда отдельные регистры политического английского стали более понятными и взаимозаменяемыми. Однако конвергенция не является полной, поскольку слушатели всё ещё отличают британского оратора от американского по тону и подходу. Остаточное расхождение часто лежит в прагматике: степени формальности, использовании юмора, эмоциональной окраске и культурных отсылках.

1. С точки зрения прагмалингивистики можно заключить, что публичные деятели обеих стран практикуют форму *адаптации к аудитории*: они корректируют свой стиль в соответствии с аудиторией своего времени и места. Британские лидеры, сталкиваясь с растущим разнообразием и медиаграмотностью публики, переняли более популистские и персонализированные подходы; американские лидеры, решая сложные вопросы и обращаясь к фрагментированной аудитории, иногда апеллировали к нюансам и вдохновению.

2. Наблюдается явная *тенденция к сближению* в общих техниках ораторского искусства: обе традиции теперь подчеркивают ясность, нарратив, инклюзивные призывы и эмоциональную связь. Сближение обусловлено прагматическими потребностями глобального медиацентричного контекста, где лидеры должны обращаться к массовой аудитории, зачастую схожей в медиапотреблении и ожиданиях. Однако *национальный стиль никуда* не исчез: он сохраняется в тонкостях риторики — в тональности, культурно-специфичных отсылках, степени самовосхваления или самоиронии, в эксплицитности религиозных отсылок или национальных мифов.

3. Тембр и стилистическая конфронтация между британской и американской речью трансформировались в отношения *взаимного влияния и избирательной адаптации* — британские и американские лидеры теперь часто тренируют голоса для передачи теплоты и авторитета, отражая общее понимание того, как должен звучать лидер.

4. Тем не менее различия в *просодии* сохраняются: британский оратор может использовать больше пауз и сдержанно выражать эмоции, тогда как американский оратор — применять динамичные вокальные крещендо. Каждый стиль вступает в «конфронтацию» с другим в том смысле, что служит точкой отсчёта: британские комментаторы замечают, если премьер-министр становится «слишком риторичным» по-американски, а американские — если речь президента кажется «сухой» или «профессорской», что более приемлемо в Британии. Эта осознанность поддерживает эволюцию, побуждая ораторов модифицировать свой подход.

Заключение

Таким образом, «стилистическая конфронтация» эволюционировала в сложное сближение с остаточной дивергенцией. Традиции публичной речи Великобритании и США сблизились в *функции и форме* до значительной степени, демонстрируя, как прагматические потребности формируют лингвистический стиль в политике. При этом каждая традиция сохраняет уникальный *тембр* — метафорический тембр исторической памяти и культурного колорита, а также буквальный вокальный тембр, обусловленный акцентом и нормами подачи, — что делает их риторические идентичности узнаваемыми. Постоянное взаимодействие между этими двумя крупнейшими англоязычными традициями, несомненно, продолжит влиять на политическую коммуникацию в англоязычном мире, поскольку будущие ораторы сталкиваются с новыми вызовами и аудиториями в непрерывном стремлении к эффективному и резонансному публичному дискурсу.

 © Авторы статьи / Authors of the article

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Ахманова О.С. Место звучащей речи в науке о языке / О.С. Ахманова, Л.В. Минаева // Вопросы языкознания. — 1977. — № 6. — С. 44–50.
2. Бочкарева Е.Н. Прагматические маркеры в английской политической речи / Е.Н. Бочкарева. — Казань : Казанский университет, 2013. — 176 с.
3. Конурбаев М.Э. Стиль и тембр текста / М.Э. Конурбаев. — Москва : МАКС Пресс, 2002. — 328 с.
4. Конурбаев М.Э. Филологические основы темброведения / М.Э. Конурбаев. — Москва : Наука, 2022. — 228 с.
5. Косоножкина Л.В. Практическая стилистика английского языка: анализ художественного текста : учебное пособие для студентов факультетов иностранных языков и неязыковых вузов гуманитарного профиля / Л.В. Косоножкина. — Москва; Ростов н/Д : МарТ, 2004. — 191 с.
6. Лабов Ю.Я. Элементы социолингвистики / Ю.Я. Лабов, А.П. Франк. — Москва : URSS, 2004. — 272 с.
7. Charteris-Black J. Politicians and Rhetoric: The Persuasive Power of Metaphor / J. Charteris-Black. — Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2005. — 239 p.
8. Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things / G. Lakoff. — Chicago : University of Chicago Press, 1987. — 614 p.
9. Giles H. Accommodation theory: optimal levels of convergence / H. Giles // Introducing Language and Social Psychology / ed. by H. Giles, R. St. Clair. — Oxford : Blackwell, 1979. — P. 45–65.
10. Lam T.Q. The Prominence of Referring Expressions: Message and Lexical Level Effects: PhD thesis / T.Q. Lam. — University of Illinois, 2012. — 111 p.
11. Wodak R. Methods of Critical Discourse Analysis / R. Wodak, M. Meyer. — London : Sage, 2001. — 200 p.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Akhmanova O.S. Mesto zvuchashchey rechi v nauke o yazyke [The place of spoken speech in the science of language] / O.S. Akhmanova, L.V. Minaev // Voprosy yazykoznaniya [Topics in the Study of Language]. — 1977. — № 6. — P. 44–50. [in Russian]
2. Bochkareva E.N. Pragmaticheskiye markery v angliyskoy politicheskoy rechi [Pragmatic markers in English political speech] / E.N. Bochkareva. — Kazan : Kazan University, 2013. — 176 p. [in Russian]
3. Konurbaev M.E. Stil' i tembr teksta [Style and timbre of text] / M.E. Konurbaev. — Moscow : MAKS Press, 2002. — 328 p. [in Russian]
4. Konurbaev M.E. Filologicheskiye osnovy tembrovedeniya [Philological foundations of timbre studies] / M.E. Konurbaev. — Moscow : Nauka, 2022. — 228 p. [in Russian]
5. Kosonozhkina L.V. Prakticheskaya stilistika angliyskogo yazyka: analiz khudozhestvennogo teksta [Practical stylistics of the English language: analysis of literary text] : textbook for students of foreign language faculties and non-linguistic universities of humanities profile / L.V. Kosonozhkina. — Moscow; Rostov-on-Don : MarT, 2004. — 191 p. [in Russian]
6. Labov Yu.Ya. Elementy sotsiolingvistiki [Elements of sociolinguistics] / Yu.Ya. Labov, A.P. Frank. — Moscow : URSS, 2004. — 272 p. [in Russian]
7. Charteris-Black J. Politicians and Rhetoric: The Persuasive Power of Metaphor / J. Charteris-Black. — Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2005. — 239 p.
8. Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things / G. Lakoff. — Chicago : University of Chicago Press, 1987. — 614 p.
9. Giles H. Accommodation theory: optimal levels of convergence / H. Giles // Introducing Language and Social Psychology / ed. by H. Giles, R. St. Clair. — Oxford : Blackwell, 1979. — P. 45–65.
10. Lam T.Q. The Prominence of Referring Expressions: Message and Lexical Level Effects: PhD thesis / T.Q. Lam. — University of Illinois, 2012. — 111 p.
11. Wodak R. Methods of Critical Discourse Analysis / R. Wodak, M. Meyer. — London : Sage, 2001. — 200 p.